

ЭТНИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНА

А. А. Керимов, М. Ш. Кабазиев

Уральский федеральный университет

Поступила в редакцию 30 сентября 2022 г.

Аннотация: рассматриваются составные части политической идентичности современного Казахстана. Концепт анализируется с позиции государства, которое своей политикой формирует желаемые этнокультурные основы функционирования общества. Автор высказывает тезис о том, что политическая идентичность имеет две основные компоненты: этническую и гражданскую. Этническая компонента связана с попытками формирования новой казахстанской нации на основе артикуляции и реконцептуализации казахской культуры и языка.

Ключевые слова: политическая идентичность, Казахстан, этнос, нация.

Abstract: the article analyzes the political identity components of modern Kazakhstan. This concept is analyzed from the position of the state, which forms the desired axiological foundations for the functioning of society with its policy. The author expresses the thesis that political identity has two main components: ethnic and civil. The ethnic component is associated with attempts to form a new kazakhstanian nation based on the articulation and reconceptualization of the Kazakh culture and language.

Key words: political identity, Kazakhstan, ethnos, nation.

Консолидация граждан является одной из приоритетных задач института государства в современном мире. Способность сплотить население и ориентировать деятельность согласно общим целям позволяет динамично развиваться в политическом, социально-экономическом, культурном и иных пространствах. Для эффективной консолидации усилий в обществе необходимо наличие общей аксиологической конструкции, позволяющей людям осознавать себя как единое целое. Как правило, на уровне государства данный конструкт ассоциирован с понятием «нация» и «национальность». Причем речь не об этнической сущности данного понятия, а о гражданской.

С начала эпохи возрождения и по настоящее время национальные государства являются доминирующей формой государственности и воспринимаются как бы по умолчанию. Именно к созданию национального государства стремится любое образование, вновь возникающее или переучреждаемое в современном мире.

На путь национального строительства встали и государства, возникшие в результате распада СССР в 1991 г. Некоторые из республик уже имели предшествующий опыт государственности, на который они могли опереться. Другие же встали перед острой необходимостью формирования политических институтов в условиях вакуума политической идентификации – фактически в отсутствии государствообразующей нации.

Наиболее ярко эта проблема проявила себя в становлении постсоветских государств Центральной Азии. В некоторых из них наблюдалось доминирование какого-либо этноса, что снимало ряд проблем. В Казахстане казахи хоть и были наиболее многочисленной демографической группой, но составляли менее 40 % от общего количества населения, согласно данным на 1989 г. [1]. В таких условиях остро встал вопрос о создании единой политической идентичности, которая смогла бы объединить молодое государство.

Необходимость поиска политической идентичности являлась не экзистенциальной потребностью общества, скорее это была утилитарная необходимость. Во-первых, создание единой политической идентичности было необходимо для преодоления кризиса легитимности политических элит [2]. Во-вторых, это было необходимо для легитимации существования Казахстана как единого государства и недопущения различного рода сепаратистских проектов [1].

Потенциальным ядром для будущей политической идентичности являлись два взаимоисключающих основания: ислам как религия и автохтонная казахская культура [3]. Религиозные основания для будущей государственности были отклонены правящими элитами. Причиной этого послужило многолетнее использование религиозного фактора для противодействия советской номенклатуре. Поскольку элиты молодого государства были рекрутированы из старых советских кадров, любые происламские силы рассматривались ими как естественный противник.

С использованием казахской культуры как фундамента новой политической идентичности был ряд проблем. Это обусловлено тем, что «политическое господство казахов не поддерживается их культурной и языковой гегемонией. Казахи все еще остаются аграрным этносом, а казахская культура – культурой меньшинства. Она уступает преобладающей городской культуре, форма и содержание которой – русско-европейские или советские» [4]. Более того, как отмечается, аутентичными носителями казахской культуры в стране являлись и являются сельское меньшинство и городские маргиналы. «Именно эти социальные группы оказались наиболее благоприятной средой для возникновения и воспроизводства различных этноцентристских исторических мифов» [5].

Сложилась ситуация, когда носители потенциального ядра политической идентичности обладают низкой социальной привлекательностью, что не позволяет объединить нацию на этой основе. Нивелирование данной преграды было возможно только двумя путями. Во-первых, повышением роли этнических казахов в политической и экономической жизни страны. Во-вторых, повышением престижности и социетальной ценности всего «казахского».

Для этого были осуществлены процессы, имеющие в русских и казахстанских источниках множество различных терминов, совокупно образующих дискурс политической идентичности Республики Казахстан. Так, среди этих терминов – казахизация и казахстанизация [1], этнический суверенитет [2], утверждение особой роли титульной казахской нации [6], национализация истории [7] и др.

Несмотря на концептологическое многообразие, по большей части все указанные подходы сводятся к тому, что политическая идентичность Казахстана имеет диалектическую природу как интегральная составляющая двух стратегий [8]. Во-первых, этнической идентичности. Под ней понимается принадлежность к народу казахов как этнической группе, владение казахским языком, носительство казахской культуры и менталитета. Во-вторых, гражданской идентичности. Под ней понимается ощущение собственной принадлежности к многонациональному народу Казахстана. В данной работе речь пойдет именно об этнической составляющей политической идентичности Казахстана.

Стоит отметить, что подобное диалектическое понимание нередко дополняется и третьей компонентой – субэтнической: «формирование казахстанского народа усложняет и отсутствие достаточной внутренней консолидации. Это проявляется в двух измерениях: субэтническом (родоплеменной и жузовой структуре) и этнорегиональном (различия между казахами севера и юга страны)» [4].

Имплементация этнической и гражданской идентичностей в общественно-политический дискурс не

имела сколь-либо выраженный агональный характер. Оба данных процесса протекали постепенно и дополняли друг друга. Задачи формирования собственно этнической идентичности были сформулированы согласно актуальным проблемам общества.

Во-первых, титульный этнос не имел значимого перевеса в органах управления, а в контроле над экономическими ресурсами проигрывал многим другим. Для исправления данной ситуации была развернута политика так называемого «этнического суверенитета» [2]. Она предполагала политическую институционализацию географического пространства, которое занимает Казахстан, и передачу ее под управление национальных кадров. В Конституции 1993 г. государство объявлялось формой самоопределения исключительно казахской нации. Соответственно, все население было условно стратифицировано на казахскую нацию и иные народы.

Несмотря на то что в Конституции 1995 г. данная формулировка была убрана, символическое значение для государственного строительства данный принцип не потерял. Весь период развития независимого Казахстана идет процесс увеличения доли титульной нации в системе государственного и муниципального управления. Политика властей направлена на «казахизацию» политических элит путем «монополизации всех ветвей власти и административных учреждений казахами» [9].

Такой процесс «коренизации управления» позволяет казахскому народу идентифицировать себя с привилегированным большинством, что повышает престижность казахской культуры. Если при СССР для эффективной управленческой карьеры необходимо было свободное знание русского языка и понимание русской культуры, а казахский язык считался провинциальным, то в независимом Казахстане все стало ровно наоборот. «Произошел своеобразный “обмен статусов” доминирующей этнической группы и меньшинств» [2], а «казахский язык и основанная на нем культура становятся ресурсом для успешного социального продвижения и положения в обществе» [8].

Данная политика, однако, имела ряд ощутимых недостатков. Прежде всего, отсутствие необходимости знания русского языка для замещения государственных и муниципальных должностей. Управленческие кадры стали активно рекрутироваться из сельской местности. Некоторые авторы прямо пишут о том, что в стране «из властных структур началось “вымывание” городской русскоязычной интеллигенции» [10] в пользу целенаправленного процесса рекрутирования сельских кадров в систему государственного управления, вследствие чего произошло падение уровня профессионализма и компетентности [11]. Такие кадры не обладали доступом к огромному массиву образовательной и управленческой информации, накопленной именно на русском языке. Доступ

к такой образовательной среде является залогом не только профессионализма, но и развития толерантности среди молодых людей, замещающих управленческие должности [12].

Во-вторых, титульный этнос не имел значимого демографического перевеса в структуре населения. С одной стороны, данная проблема решалась естественным путем – после распада Советского Союза из страны начинается значительный отток неказахского населения. Также рождаемость в казахских семьях сравнительно более высокая, чем среди остальных этнических групп. Удельная доля русского населения среди занятых категорий в 1989 г. составляла 59,9 %, через десять лет, в 1999 г., – уже 32,1 %, а на сегодняшний день варьируется в районе 25 % [13].

Другое направление решения данной проблемы заключалось в позиционировании Казахстана как единственного государственного образования для разбросанного по сопредельным государствам казахского народа, которому предлагалось вернуться на историческую родину. Страна начала массово привлекать казахских мигрантов из зарубежных стран – оралманов.

Несмотря на относительный успех политики по привлечению мигрантов, ее проведение также создало ряд значимых проблем. «Программа поддержки миграции оралманов в Казахстан, как части задуманной правительством “реказахизации” страны, однако, хотя это казалось идеальным способом получения “коренного” большинства, в реальности интеграция оралманов не всегда была успешной» [1].

Наиболее значимой проблемой стали языковые различия. Разные части казахского этноса, в частности, репатрируемые из Монголии, Китая и Ирана, говорили на отличающемся от казахстанской нормы языке, а письменность в принципе не была взаимопонятной. Кроме того, оралманы столкнулись с тем, что для социально-экономического продвижения им было необходимо знать русский язык. Без него мигранты испытывали сложности в профессиональной коммуникации в крупных городах, а также считались местными жителями малограмотными и чуждыми ввиду отсутствия знакомства с русской (советской) культурой.

Другой значимой проблемой стал рост социального недовольства среди коренных казахов из-за конкуренции за рабочие места. Приезжающие в страну оралманы были готовы работать больше и за меньшие деньги, нежели местное население, из-за чего многие работодатели предпочитали их при найме на низкоквалифицированную работу. «В казахстанской прессе по поводу протестов оралманов появились высказывания о необходимости ограничения их приезда в районы, где социальная инфраструктура не готова их принять» [14].

В-третьих, крушение Советского Союза обострило множество национальных конфликтов. Поскольку

общество Казахстана было и остается многонациональным, а казахи не составляли подавляющего большинства от населения, риск возникновения конфликтов на межнациональной почве был очень актуален. В экспертной среде девяностые годы на постсоветском пространстве «можно назвать временем расцвета этнического национализма, явного доминирования последнего над национализмом гражданским» [15]. Эта тенденция всецело коснулась и Казахстана, где все чаще стали звучать призывы к строительству государства только для казахов, а остальные национальности воспринимались как гости. Отмечается, что в таких условиях руководству страны приходилось и приходится по настоящий день сдерживать нападки националистов, требующих радикальных мер по «казахизации» [16].

Считается, что главным тормозом этого процесса является высокая популярность русского языка среди городских и наиболее образованных слоев населения. Несмотря на это, значение языка в официальных СМИ и государственном управлении резко снизилось. Не менее 50 % всего контента в массмедиа должно быть на казахском языке. Однако русский остается популярным языком для образования, производства контента в Интернете и межличностной коммуникации в крупных городах, особенно в Алма-Ате и Нур-Султане [там же].

Осложняет ситуацию еще и тот факт, что согласно исследованию языковой ситуации, проживающие в Казахстане нации, безотносительно степени и уровня владения, считают своим родным языком именно язык собственной нации [17, с. 35]. С одной стороны, это способствует укреплению этнической идентичности, так как даже не знающие или знающие в не полной мере казахский язык казахи считают его родным. С другой стороны, это максимально затрудняет принятие данного инварианта политической идентичности представителями других этносов, даже в том случае, если они овладевают казахским языком.

Элиты предпочли воплощать «казахизацию» деликатно и осторожно. В противовес национальным концепциям была выдвинута мультикультурная доктрина евразийства [15]. Данная концепция была призвана сдерживать рост этнонационализма, но в это же самое время провозглашала титульным населением лишь казахов. Другие этнические группы, которые проживали на территориях современного Казахстана веками, среди них русские, узбеки, уйгуры, корейцы, дунгане, татары и др., стали именоваться диаспорами.

Таким образом, одним из важнейших элементов политической идентичности современного Казахстана является этническая компонента. Ее важность, прежде всего, обусловлена не рациональным желанием общества, а утилитарными задачами. Данные задачи основываются на двух базовых составляющих. Прежде всего, после распада СССР Казахстан имел

наименьшую долю титульной нации в структуре населения среди всех республик. Кроме того, правящие элиты и контролируемые ими властные институты испытывали значимый дефицит легитимности. Корни данного дефицита в отсутствии институционализации политического пространства, объединяемого государством.

Для решения данных проблем проводилась политика «национализации», направленная на продуцирование новой казахстанской политической идентичности. Этническое измерение данной идентичности основано на трех базовых элементах: 1) задаче повышения доли этнических казахов в органах публичной власти; 2) задаче увеличения численности казахов в демографической структуре населения; 3) популяризации казахского языка и закреплении престижа его символического статуса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хименес Товар С.* «Казахстанизация» Казахстана : языковая политика, национализм и этнические меньшинства / С. Хименес Товар // Россия и мусульманский мир. – 2015. – № 1. – С. 69–77.
2. *Нурғалиева Ж.* Казахстан : к вопросу о конфликте идентичностей / Ж. Нурғалиева // Россия и мусульманский мир. – 2010. – № 3. – С. 78–87.
3. *Исаков А. С.* Ханафитское измерение дискурса мобильности в исламе / А. С. Исаков // Дискурс-Пи. – 2016. – № 3–4 (24–25). – С. 186–192.
4. *Вежбицки А.* Перспективы формирования казахстанского народа / А. Вежбицки // Вестник Евразии. – 2006. – № 4. – С. 48–62.
5. *Рыжичкин Н. Н.* Постсоветский Казахстан. Пути формирования национальной идентичности / Н. Н. Рыжичкин // Свободная мысль. – 2020. – № 3 (1681). – С. 175–186.
6. *Кукушева Н. Э.* Язык как ядро этнокультурной идентичности в условиях глобализации (на материале культуры Казахстана) / Н. Э. Кукушева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 6-2 (68). – С. 106–109.
7. *Нурғалиева Ж. К.* Национализация истории как ключевой ресурс конструирования новой коллективной идентичности / Ж. К. Нурғалиева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2012. – № 1. – С. 236–243.
8. *Гизатуллина Г. А.* Цивилизационные императивы казахстанской государственной идентичности / Г. А. Гизатуллина // История и современность. – 2015. – № 2 (22). – С. 119–131.
9. *Oka N.* Nationalities Policy in Kazakhstan : Interviewing Political and Cultural Elites / N. Oka // The Nationalities Question in Post-Soviet Kazakhstan / N. Masanov et al. (eds). – Japan, 2002. – (Middle East Studies Series No. 51). – URL: <http://www.ide.go.jp/English/Publish/Download/Mes/51.html>
10. *Кондорский Б. М.* Сравнительный анализ современной социально-политической ситуации в Казахстане и Украине с позиций революционной концепции исторического развития / Б. М. Кондорский // Ноосферные исследования. – 2022. – № 2. – С. 75–89.
11. *Кондорский Б. М.* Рецидивы архаических социальных институтов в рамках политических режимов постсоветских государств / Б. М. Кондорский // История и современность. – 2019. – № 3 (33). – С. 112–131.
12. *Керимов А. А.* Влияние культурно-образовательной среды на процесс формирования толерантного сознания молодежи / А. А. Керимов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2017. – Т. 23, № 2 (162). – С. 153–158.
13. *Курганская В. Д.* Возможности нейтрализации вызовов и угроз в сфере межэтнических отношений (по итогам мониторинга межэтнических отношений в Республике Казахстан в 2015 г.) / В. Д. Курганская, М. С.-А. Шайкемелев // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 2015. – № 6. – С. 90–111.
14. *Жанбосинова А. С.* Национальная стратегия Казахстана : гражданская идентичность или этническая идентичность – время выбора / А. С. Жанбосинова // Российские регионы : взгляд в будущее. – 2016. – Т. 3, № 3. – С. 183–200.
15. *Летняков Д. Э.* Создавая нацию : политика идентичности в постсоветских государствах / Д. Э. Летняков // Мир России. Социология. Этнология. – 2016. – Т. 25, № 2. – С. 144–167.
16. *Летняков Д. Э.* Роль русского языка в постсоветской Центральной Азии / Д. Э. Летняков // Полития : Анализ. Хроника. Прогноз (журнал политической философии и социологии политики). – 2015. – № 4 (79). – С. 100–115.
17. *Телебаева Г. Т.* Языковая политика в Республике Казахстан / Г. Т. Телебаева. – Астана : Елорда, 2014. – 198 с.

Уральский федеральный университет
 Керимов А. А., доктор политических наук, профессор
 кафедры политических наук
 E-mail: kerimov68@mail.ru

Кабазиев М. Ш., соискатель кафедры политических наук
 E-mail: kabaziyev@mail.ru

Ural Federal University
 Kerimov A. A., Doctor of Political Sciences, Professor
 of the Department of Political Sciences
 E-mail: kerimov68@mail.ru

Kabaziev M. Sh., Candidate of the Department of Political Sciences
 E-mail: kabaziyev@mail.ru